

Сергей Александрович

НИЛУС

(1862-1929)

РУССКАЯ КЛАССИКА

Сергей
НИЛУС

*Сила Божия
и немощь человеческая*

Москва

2016

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Н66

Оформление серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы
фрагменты работы художника *Джорджа Ричмонда*

Нилус, Сергей Александрович.

Н66 **Сила Божия и немощь человеческая / Сергей Нилус.** —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 448 с.— (Русская клас-
сика).

ISBN 978-5-699-84563-7

«Сила Божия и немощь человеческая» — это жизнеписание игумена Феодосия (Попова), собранное по материалам монастырского архива, во времена расцвета Оптинского монастыря и великих старцев — преподобных Макария и Амвросия. В книгу также включены восемь историй: «Самоотверженная Игуменья», «Несчастный», «Из Мира Божественной Тайны», «Свидетельство Живой Веры», «Христос Воскресе!», «Вражья Сила», «Марко Фраччский», «Повесть о Пяточисленных Молитвах».

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-699-84563-7

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

НЕОБХОДИМОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Господи, благослови!

Выпуская в свет ряд очерков из жизни близких к нам по времени православных христиан, но таких — увы! — далеких по духу для большинства моих современников, я долгом своим почитаю, прежде всего, предварить моего боголюбивого читателя о том, что все написанное в них одна сущая правда, в которую лично я верю всем сердцем моим, всем умом, всем помышлением, и без этой веры моей, за которую готов постоять до последней минуты моей жизни, я не позволил бы себе требовать от читателя моего внимания к малому труду моему из страха грядущего Страшного суда Господня, на котором каждый христианин, а в их числе и моя христианская немощь, должен неизбежно или оправдаться от слов своих, или осудиться; и от этого страшного осуждения да избавит меня Господь!

Непрестанно сокрушаясь о всеобщем, казалось мне, оскудении веры в христианском мире, сердцем своим с великой горечью и болью отзываясь на установившееся в мировой христианской жизни зло братоненавидения и человеконенавистничества, видя, как христианский мир заливается кровью войн и усобиц, с ужасом обращая свой испуганный взгляд на богоотступничество цвета русского общества, призванного стоять во главе

умственного и нравственного развития истерзанной и окровавленной Родины, этой Богом поставленной хранительницы православного духа, я, признаюсь, в законном ослеплении своем, был уверен, что угас уже истинный дух Православия в России, оскудел преподобный¹, не стало праведника, и, стало быть, неизбежна для нее, а с нею, по слову великих русских подвижников духа, и для всего богоотступнического мира участь библейских Содома и Гоморры. Окружающая меня и всякого верующего христианина грозная действительность не давала ли мне права питать эти мысли?!..

Но в глубинах народного сердца, зримых одному Богу, еще недавно жила такая полнота и сила духа Христова, так близка была еще недавно к Богу живая вера русского человека, что не могло мое сердце мириться со страшной и братоубийственной мыслью: нет в России семи тысяч, которых соблюл бы Себе Господь и которые еще не подклонили выи своей Ваалу... И я искал их всем сердцем своим, всем помышлением моим, и, видит Бог, нашел, но не там. Где светит кровавый свет мира сего, не на высотах человеческого разума, а в тайниках сокровенных народного сердца, в среде тех немудрых мира, которых от века избрал Себе Бог, чтобы посрамить мудрых, чью немощь Он предопределил, чтобы посрамить сильных, чья слава и проповедь делом Христовой любви и самоотвержения заключены не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, данных им для того, чтобы, по слову апостола, вера наша утвердилась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. И многих рабов Своих нелицемерных и истинных показал мне, ищущему, Господь, и во главе их под перо мое просит-

¹ Пс. 11,2.

ся одно великое для Православной и самодержавной России имя, к которому с трепетной надеждой и верой обращены взоры всех истинно русских людей и от кого, после Бога, они ждут своего спасения. Но о живых праведниках, какое бы они место в мире ни занимали, от самого великого до самого низкого, — не леть ми и глаголати¹, и потому до времени сохраним имена их только в своей молитвенной памяти.

Но мир праведников, недавно отшедших ко Господу, — это уже достояние всех хотящих на их примере жати свое спасение; о них я и поведу здесь, в моих очерках, речь свою в радостной надежде, что одним, совершенным, она будет в утешение, а другим, ищущим Бога в истине, а не «в препретельных земной мудрости словесах»², она послужит в утверждение и в вечное спасение в небесных обителях Отца и Царя нашего Небесного.

Христос Господь, Бог наш, в Троице славимый, вчера, днесь и во веки Той же, и потому в ряде очерков, предлагаемых вниманию боголюбцев, я, начав жизнеописанием игумена Феодосия Попова, во всём всем нам подобострастного человека, заключаю свой малый труд преподобным Марко Фраческим, о котором писано с таким вдохновением Четьи-Минеями, столь основательно позабытыми теми, кто почитает себя цветом современной образованности.

Главнейшая же цель труда моего — на достоверных показаниях и примерах близких нам по времени христиан утвердить в сердце моего читателя непреложное свидетельство апостольской истины, явленной в словах

¹ Нельзя мне и сказать.

² «В убедительных словах человеческой мудрости» (I Кор. 2,4).

апостола Павла в его втором послании к коринфянам: «Ибо знаем, что, когда земной наш дом, эта хижина, разрушится, мы имеем от Бога жилище на Небесах, дом нерукотворенный вечный!» (2 Кор. 5,1).

Труд мой ничтожен — он труд только писателя верного, но и за него молю и прошу того, кому он придется по сердцу, не оставить грешного моего имени поминовением молитвенным к Творцу всяческих.

Сергей Нилус

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ИГУМЕН ФЕОДОСИЙ (ПОПОВ)

Предисловие

Так в Духе Святом утверждает святой апостол Павел, обращая свое вдохновенное слово к Церкви верующих всех стран, всех времен до скончания века. И слово это как слово Божие измениться не может; и как Церковь Божию, так и слово апостольское не одолеют и врата адовы, — этому верит христианская вечность, должны верить и мы, православные христиане, предназначенные к вечности, к вечному спасению, к вечному радованию, к вечному царствованию вместе с Царем славы, Христом Иисусом. Такова вера наша, и с этой верой, Богу милующу, мы и отойдем в Царство света немерцающего и незаходимого.

Но как горькая действительность мало соответствует светлым христианским упованиям! Где сила Христова просвещения духа человеческого? Где подвижники духа? Где вера их? Где сила их, переставлявшая горы? Где явно действующая благодать Духа Святого? Где они, великие светильники веры, преподобные, эти Ангелы во плоти, нас спасающие?..

Тревожное сердце христианское, недоуменно и втайне озираясь на окружающую его действительность, с тревогой, близкой к отчаянию, готово вопросить Господа своего: да есть ли теперь даже и спасающиеся? А злобный дух времени земным шепотом отступничества уже

шепчет рабам своим: христианство дискредитировано, — долой христианство, долой Церковь, долой монашество, попов, долой все предрассудки и суеверия веры, тормозящие движение земной культуры, прогресса единого бога — человеческого разума! Царь мира — плоть, вечное блаженство — царство всеобщей сытости! Прочь призраки и мечтания слабых разумом, обольщенных и обольщаемых своекорыстными жрецами!..

Вот какие речи ведет к своим ученикам и последователям дух времени сего, князь мира сего, торжествуя уже близкую свою, конечную победу над ослабевшим в духе христианством. Так, по крайней мере, думает отступнический мир.

«Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство» (Лк. 12, 32).

На все времена сказано было это слово нашим Спасителем и Богом: во все времена стадо Христово, верное своему Пастыре-начальнику в полноте духа и истины, было не велико, потому что всегда был тесен и прискорбен путь Креста Христова и широко открыты врата, ведущие в погибель. В конце же времен, при внешнем и кратковременном торжестве зла, оно будет казаться еще меньше, но все-таки будет Церковью, которую не одолеть всей силе вражьей. И теперь, в наши лютые и многобедственные времена, еще живут и работают на Божией ниве незримые миру Божий трудники, те «семь тысяч», которых соблюл Себе Господь и которые не подклонили выи своей Ваалу.

В одну из поездок моих в Оптину пустынь, за беседами с богомудрыми старцами, довелось мне услышать об одном из членов этого святого братства, игумене Феодосии, скончавшемся в 1903 году и последние годы своей жизни приютившемся на покой под тихую сень скита

великой духом Оптинской обители. И все, что рассказывали мне об этом старце, до того было близко моему сердцу, так трогательны были еще живые воспоминания, что я невольно им заинтересовался. Богу угодно было раскрыть мне душу этого молитвенника и дать мне в руки такое сокровище, которому равного я еще не встречал в грешном своем общении со святыми подвижниками, работающими Господу в тиши современных нам православных монастырей. Сокровище это — автобиографические заметки в Бозе почившего игумена, которые он составил незадолго до своей праведной кончины. Со времени учреждения православных монастырей не было примера, чтобы кто-либо из их насельников и подвижников оставил о себе воспоминания, касающиеся самой интимной стороны жизни монашеского духа, сохранил бы подобную историю своей души, стремящейся к Богу, своих падений и восстаний, и поведал бы о силе Божией, в его немощи совершавшейся и неуклонно руководившей им на пути к земному совершенствованию в благодати и истине и к Царству света невечернего.

Тем и драгоценны эти заметки, что они с необыкновенно правдивой ясностью указывают нам, что и в наше время, и в ослабевшем нашем христианском духе, возможен и всякому доступен с Божией помощью путь спасения и соединения с Господом Иисусом, Который все Тот же, что был от создания человека и останется Тем же во веки. С необычайной живостью ведется эта летопись сердца почившего игумена и раскрывается история земного испытания этой христианской души. С редкой правдивостью, с какой автобиограф не шадит и самого себя, повествуется им и о той мирской и монастырской обстановке, в которой трудилось его сердце в искании Бога и Его вечной правды: как живые, воскресают перед читателем события

недавнего прошлого, тени тех средних русских людей, из которых одни из них работали над созданием храма Божьего в сердце Православной России, а другие по слабости своей и неведению — над его разрушением.

С редкой силой, с летописной простотой ведется удивительное повествование это о людях, о событиях, о душе человеческой и о силе Божией, над всей их немощью совершавшейся, и сам игумен восстает перед читателем во всей яркости своего духовного облика.

Уверенный в особой назидательности этих заметок почившего игумена как для верующего православного люда, так и для монашествующей современной братии, я разобрал их, связал их, по силе своего разума, в одно целое, не убавив и не прибавив в них ничего своего, самоизмышленного, и даже, по возможности, сохранив слог и способ выражения мыслей самого автора. Покойный, не получив законченного образования, не мог создать цельного литературного произведения, но природное дарование его было не из заурядных, и оно дало в его заметках такой богатый и яркий, литературный, бытовой и психологический материал, что легок был мой труд, который я теперь предлагаю вниманию и назиданию моего дорогого читателя. В напутствии к биографии игумена Феодосия сообщу характерную черту прозорливости великого старца и наставника монашествующей братии Оптиной пустыни и всего православно-верующего мира, отца Амвросия Оптинского, под чьим духовным крылом воспитывался и отец Феодосий.

Жил игумен Феодосий уже на покое в скиту Оптиной пустыни и, несмотря уже на известную только одному Богу степень своей духовной высоты, нередко подвергался искушению от духа уныния, столь знакомого всем, кто внимал своей духовной жизни. В одно из таких ис-

кушений прибегает старец-игумен к старцу Амвросию и почти с отчаянием плачет к нему.

— Батюшка, спаси — погибаю! Свинья я, а не монах: сколько лет ношу мантию, и нет во мне ничего монашеского. Только и имени мне, что — свинья!

Улыбнулся старец своей кроткой улыбкой, положил свою руку на плечо склонившегося перед ним и плачущего игумена и сказал:

— Так и думай, так и думай о себе, отец игумен, до самой твоей смерти. А придет время: о нас с тобой, свиньях, еще и писать будут.

Это мне рассказывал один из сотаинников жизни покойного игумена, ныне здравствующий отшельник оптинский.

Лет двадцать прошло с этих замечательных слов блаженного старца, и суждено было им исполниться через мои грешные руки, руки того человека, который в то время сам так далек был не только от подвижников монашества, но и православным-то числился по одной метрике, выданной Московской Духовной Консисторией для поступления в гимназию.

«О, бездна богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его!» (Рим. 11, 33).

ЗАПИСКИ ИГУМЕНА ФЕОДОСИЯ О СВОЕЙ ЖИЗНИ

I

Относительно моей родословной вот что я не раз слышал в юности лично из уст моего родителя.

Пращур наш местожительство имел в селе Мелике, в двенадцати верстах от города Балашова Саратовской

губернии. В то время город этот был не что иное, как деревня, принадлежащая помещику Б...у, а селение Мелик — несколько сотен мордовских семей язычников-идолопоклонников мордовцев. Мой пращур был их старший повелитель и начальник. Когда Петр I, желая скрыть свои благодетельные и мудрые планы от наблюдения кабинетов европейских держав, строил в Воронеже флот для взятия Азова, пращур наш, без всякого со стороны правительства к тому побуждения, возымел собственное желание принести, по силе возможности, дань своего верноподданнического чувства, и когда Государь нуждался в материальной помощи, он нарубил для него несколько сот вековых корабельных дубов, срубил их в плоты и собрал несколько тысяч пудов ржаной муки от всех подвластных ему племен. Все это он желал доставить в кулях на плотах по рекам Хопру и Вороне. Но, так как в то время не было в той стране хороших лоцманов и по рекам не было открыто судоходство, то план его не осуществился, и цель не была достигнута. Плоты, которые были спущены с грузом кулей муки во время полой воды, занесло в рукава заливов, а некоторые и вовсе потонули. Только несколько плотов догнали до Новохоперской крепости. С великим горем ускорил мой пращур на лошадях в Воронеж и предстал пред лицо Державного и объяснил ему о неудаче своего предприятия. Петр не оставил без внимания усердия мордвина и пожаловал ему в знак своей милости водяную мельницу на реке Хопре, близ села Репного, в вечное потомственное владение и несколько десятин лесу с землею, на что была выдана грамота, впоследствии записанная в церквах Репинской и Беломойской. Подаренный лес был окопан глубокой канавой, следы которой и я не раз видел, когда ездил с родителем моим на охоту с ружьем

осенью за зайцами. Местность эта поднесь называется «Крутина», а прежде называлась «Лес Вагаева», по прежней нашей коренной фамилии. В бытность свою в Воронеже пращур мой не раз удостоивался беседовать со святителем Митрофаном и был им научен таинствам Христовой веры и был крещен в реке Воронеже, а по возвращении своем в село Мелик он убедил всех жителей этого села принять Святое Крещение. Впоследствии пращур мой, по усердию своему, выслал одной из Цариц отлитый по его заказу колокол, который был цел еще и во дни жизни моей бабки. Рассказывая мне об этом событии, бабка моя сказывала мне, что мельницей и лесом мы владели до царствования Екатерины II. Когда же эта великая Государыня повелела размежевать земли по принадлежности, то в это время прибыл к прадеду моему межевой и сказал ему секретно в его доме:

— Вагаев! Если ты не дашь мне пяти рублей, то я мельницу и лес твой отмежую в другие дачи, а тебе отрежу в другом месте, пониже.

Но у прадеда моего был на это свой особый взгляд: за что, де, я дам пять рублей?

Что может он мне сделать? Я имею царскую грамоту, никого не боюсь, денег не дам, а нужно будет, и до Царя дойду.

— Эй, Вагаев! Дай — тужить будешь, — говорил землемер, — синяя — не велики деньги.

— Ладно! — отвечал ему пращур, — мы сами знаем, где Царь живет.

И уперся на своем. Земля с мельницей была прирезана к другой даче, а ему было велено построить мельницу ниже. С мельницы семью пращура выгнали, и бабушка моя со своей матерью пошли по плотине, оглашая воздух раздирающими сердце воплями. Завелась тяжба.